

Гора с горой...

Тридцатого июня 2020 года исполнился год, как ушёл от нас в другое измерение писатель, поэт и драматург, наш земляк Алексей Маркович Бондаренко. Утром зажгла поминальную свечу, позвонила в Озёрное его вдове (непривычно так Люсю называть)... И вот уже второй год я вспоминаю всё, что четыре десятилетия связывало меня с этим простым на вид, да и в общении тоже, довольно неоднозначным человеком, умеющим жить интересно и полноценно, дружить и ценить дружбу. Настоящим русским мужиком, которому под силу почти всё: трудный, почти непосильный для некоторых, охотничий промысел в тайге, а в быту ему по плечу была любая работа — с нуля поставить дачный домик, баню, стайку для коровы, вспахать на собственном тракторе огород себе, соседу, дальнему родственнику, отремонтировать тот же трактор или снегоход... Да просто накосить животине сена на зиму (было тяжёлое время, когда они с Людмилой Юрьевной обзавелись хозяйством) и, если жена задержалась в школе, подоить капризную Марту.

Но главное качество, которое я очень ценила в Алексее, — его писательский талант. Ниспосланный Богом дар. И терпеливо, как настоящий друг, прощала все проявления его сложного характера, благо он умел хотя бы задним числом признавать свои промахи или ошибки.

Повторюсь, Алексей Бондаренко был обыкновенным человеком со своими достоинствами и недостатками, со своими заморочками, взрывным, но отходчивым характером. И отношения наши — писателя и редактора — складывались не так уж и безоблачно. Помню одну из первых наших размолвок. Я редактировала его вторую книгу «Птица с железным клювом». Набирали текст на линоTYPE в енисейской типографии, тогда она, согласно модным тенденциям, называлась

малым полиграфическим предприятием «Петит» и находилась на первом этаже здания, прямо под редакцией «Енисейской правды», что мне значительно облегчало работу. С гранками работала метранпаж Ольга Витман-Карманова, очень ответственная и старательная работница. Переводили готовые полосы на импортные пластины «роминал» тоже в типографии, а потом Алексей Маркович с директором типографии Николаем Гавриловичем Буториным отвезли их в печать в Красноярск, в издательство «Офсет». Я написала к книге предисловие «Родом из Маковского» и считала, что моя роль редактора на этом закончилась. Ан нет!

Через месяц или чуть меньше буквально врывается ко мне в кабинет Алексей и бросает на стол книжку в тонкой жёлтой обложке... Успеваю прочесть название и тут слышу: «Что ты наделала?! Виктора Степановича Рожкина, который оплатил издание книги, назвала Виктором Сергеевичем, как и художника Осипенкова. Я же тебе точно написал — кому выразить благодарность!»

Если честно, я не знала лично этих людей — ни спонсора, ни художника, украсившего книжку своими карандашными рисунками, только инициалы: В. С. и В. С. Буквально на ходу, когда уже заканчивали работу, оформляли выходные данные, Алексей на листе бумаги написал фамилии людей, кого он благодарил за помощь в издании книги, и я тут же отдала рукопись в набор...

Листочка этого я, разволновавшись, тогда не нашла ни в папке, ни в столе. Но, успокоившись, выяснили наконец, что Алексей привёз из издательства пилотный (пробный) вариант книги, а значит, есть время и возможность исправить мою ошибку.

Книжка вышла. Это была уже вторая по счёту, после «Мужской травы», книга Бондаренко. Но её после выхода из печати я долго не видела, и отношения наши с Алексеем Марковичем теперь отдавали не просто холодком: разгневанный автор не дал мне ни единого экземпляра, будто я к этой книжке не имела никакого отношения. Мне он её подарил, когда обида, видимо, утихла, спустя четыре года после выхода в свет: «Тамаре Колесник на добрую память, 15.04.1999 г.».

А тогда, сталкиваясь лицом к лицу в типографии, он избегал прямых взглядов, торопливо здоровался. Я понимала, что Алексей готовит к изданию новую книжку: в типографии

набирают его повести и рассказы, редактирует их моя коллега — второй заместитель редактора Валентина Гафарова, умный, требовательный и очень грамотный газетчик. Было горько и обидно, что Бондаренко перестал мне доверять, а ситуация с ошибкой в «Птице» несколько лет не давала покоя: конечно же, я винила себя и не могла понять, где были мои глаза, что не обратила внимания на два одинаковых имени и отчества у разных людей.

...Кстати, листочек этот, помятый и исписанный круглым почерком Алексея, я обнаружила через шесть лет, в марте 2001 года, когда увольнялась из редакции и освобождала свой письменный стол. Оттого, что я убедилась в своей правоте, легче не стало. Видимо, в спешке Алексей ошибся: Виктора Степановича Рожкина и Виктора Сергеевича Осипенкова он написал с одинаковым отчеством — Сергеевичи. Я долго носила листочек в сумочке. На всякий случай. И он подвернулся. Уже работая в Лесосибирске, приехала в Енисейск и встретила Людмилу Юрьевну. Радостно обнявшись, перебросившись парой ничего не значащих фраз, я попросила её передать листочек супругу.

А уж потом, когда мы снова стали общаться, Алексей (инициатива «перемирия» шла от него) не единожды извинялся, ругал себя: «Ну, дурак я, Тамара, дурак...»

В типографии тогда поговаривали, что писатель недоволен и Валентиной Павловной: мол, она женщина принципиальная, ей трудно с Бондаренко сработаться — характер у него уж больно взрывной... А у Алексея пошла плодovitая полоса, работал, уверена, днём и ночью, с трудом отрывался от письменного стола, чтобы хоть на часок смотаться в типографию. Я хорошо знала эту его способность работать на износ, а Люся всю их совместную жизнь удивлялась, как он такой ритм выдерживает. Сам себя загонял, писал, торопился и радовался, что спонсоры нашлись надёжные — почитатели его писательского таланта, руководители крупных лесоперерабатывающих комбинатов и строительных организаций из Лесосибирска.

Я понимала автора: он уже видел в своём воображении эти новые книги. Как тут без редактора, если я его подвела, а Валентина не устраивала? А по утрам из Люсиного принтера «выплывали» приличные стопки распечатанных повестей, рассказов, очерков. Выручил учитель и друг — Виктор Петрович Астафьев, порекомендовав своего помощника — Галину

Сысоеву. Именно она редактировала два тома очерков к восьмидесятилетию и восьмидесятипятилетию Енисейского района, над подготовкой которых к изданию усердно работал Бондаренко: ездил по району, встречался с людьми, подключил к делу добровольных помощников — работников архива, городской и районной библиотек. Во вторую книгу и я по просьбе Алексея написала большой очерк «Летопись районного летописца» о газете «Енисейская правда». Три недели по утрам приезжала из Лесосибирска в Енисейский архив, перелистывала хрупкие пожелтевшие страницы подшивок, начиная с 1931 года — с момента образования газеты, чихала и, задыхаясь от бумажной пыли, делала выписки, фотографировала, копировала. Очень мне тогда помогла моя коллега по редакции Галина Григорьевна Бесхлебная, которая в то время работала в архиве.

...Помирились мы с Алексеем Марковичем совершенно неожиданно. Енисейск по традиции в начале августа празднует День города: музыка, песни, танцы, проезжая часть центральной улицы Ленина превращена в бульвар для пешеходов. Я приехала в родной для меня город, встретила со старыми знакомыми, друзьями. С группой приятельниц иду по проезжей части улицы и вижу Алексея Бондаренко, шагающего навстречу, но по тротуару. Слово стоворившись, направляемся друг к другу, здороваемся, будто и не было между нами долгих месяцев непривычного молчания. Алексей радостно сообщил, что покупает все номера журнала о творчестве сибиряков «Откровение», редактором которого я была, похвалил мои очерки о художниках и высказал сожаление, что я, как старинный друг, не пригласила его к сотрудничеству. Какой разговор! Я рада была предоставить место в журнале автору, которого уважала и знала, что его произведения в нашем крае и на земле енисейской читают с удовольствием. Алексей тут же достаёт из портфеля небольшую книжку и предлагает на выбор любой рассказ. Я предупреждаю, что буду редактировать, прежде чем публиковать в журнале. Друг мой только улыбнулся: «Знаю я тебя — ты же с моими текстами работаешь как с собственными, потому тебе и доверяю». Значит, подумала я, Люся передала супругу тот злополучный листок... Мостик к сотрудничеству ещё на добрый десяток лет, и даже чуть больше, был переброшен.

Рассказ «Домик у дороги» был опубликован в ближайшем номере, потом были ещё публикации. Пока наш журнал

«Откровение», за отсутствием средств у издателя, не прекратил своё существование.

...Помнится, как-то я была в гостях у Бондаренко, Люся предложила тост за нашу многолетнюю дружбу. Алёша что-то расчувствовался, стал по очереди обнимать нас и вдруг сказал: «Тамара, сколько раз нас с тобой судьба разводила, а всё-таки мы вместе. Правильная пословица: гора с горой не сходится, а человек с человеком, если они нуждаются друг в друге, — добавил он, — обязательно сойдётся». Через какое-то время супруги приехали в Лесосибирск, как они сказали — по серьёзному делу. Дело оказалось предложение Алексея редактировать его новую книгу, в неё он планировал включить новые рассказы и повести. Я с радостью согласилась и работать начала, как и автор, зачастую по ночам, неистово, с удовольствием. Мы обсуждали по телефону все мои правки, думали над заголовком, в итоге закрепилось название, предложенное его другом Евгением Васильевым: «В лощине голубого тумана».

В те дни, когда я работала над этой книгой, Алексей, читавший в журнале «Откровение» мои очерки о творческих людях, попросил их отправить ему по электронной почте. А потом при встрече по-дружески похвалил меня и сделал шикарный комплимент — предложил издать книжку моих очерков в той типографии, куда он планирует отдать свою «Лощину». «В „Амальгаме“ проблем не будет, — сказал он, — договорюсь. Будем делать обе книжки одновременно». Я, не успев одуматься, дала согласие. Он же деловито решил: как только я закончу редактировать его книгу, сразу начну работать над своими опусами. А послесловие к моей книжке с радостью сам напишет.

Это позже, когда стала выправлять очерки, дополнять свежими фактами, появились такие вопросы, с которыми бы сама, без помощи Алексея, ни за что не справилась. Спасибо моему другу — это он убедил меня издать книгу, давал советы, гасил мою панику, учил самому элементарному, чего я не знала. Теперь он стал моим учителем и наставником. Мы несколько раз ездили в Красноярск в типографию, следили за вёрсткой, оформлением, а потом вместе, довольные и счастливые, получили свои книги в «Амальгаме», провели презентации в Енисейске и в Лесосибирске...

Едва закончили с презентациями, писатель предложил мне редактировать книгу рассказов для детей и юношества

А. М. Бондаренко на презентации моей книги «С верой, надеждой, любовью» в Лесосибирской городской библиотеке. Январь 2015

«Клад со счастьем». Рассказы написаны таким простым, доступным языком, что работать с ними было истинным удовольствием. После выхода книги в свет, после презентаций и банкетов Алексей попросил меня по-новому отредактировать второй том романа «Государева вотчина», который был издан малым тиражом, а с жёсткого диска оригинал бесследно исчез... Людмила заново набирала текст, а я одновременно вычитывала роман и редактировала набранные на компьютере листы.

Самой сложной для меня стала работа над его книгой очерков о енисейцах — участниках локальных войн в Афганистане и на Северном Кавказе... Для Алексея издание этой книги было очень важно, работу над ней он посвятил преждевременно ушедшему из жизни сыну Юрию, изувечившему свою душу в горниле Афгана. Название книги автор задумал задолго до начала работы: «...И не поля мне видятся окрест». В ходе подготовки лишь изредка, в порыве откровений, Алексей выдавливал из себя какие-то факты из тяжёлых воспоминаний сына. В моей памяти осталось то время, когда надломленный горем отец мотался по сёлам Енисейского района, встречался с участниками боёв в Афгане и Чечне, ночами записывая их

рассказы. Ко мне он привозил уже набранные на компьютере листы.

Помню воспоминания молодого парня, который на службу в армию, а потом и в Афганистан, попал вместе с одноклассником, другом детства. Небольшой группой они возвращались из разведки и попали под миномётный обстрел. Погибла половина молодых солдатиков. А парнишка возвращался в расположение части без друга, неся его останки в полиэтиленовом пакете — то, что осталось после взрыва... Я читала, а сердце заходило от боли и ужаса. Вставала из-за стола, нервно металась по квартире. Потом позвонила Алексею и дрожащим от рыданий голосом спросила: «Как ты это мог написать? Как ты писал?» И он ответил: «Писал и плакал».

Вот таким был мой давний друг — добрым, жалостливым, доверчивым и в то же время упёртым в какое-то своё собственное мнение, непонятно чем обоснованное.

... Уже готовы были к печати отредактированные мною тексты очерков для новой книги, но в отделе культуры Енисейского района решили проверить сами, что там написал этот народный писатель... Мне Алексей для ознакомления дал посмотреть правку текста, что сделали «девочки из отдела культуры». Это было что-то: безграмотное вмешательство, и не более того! Я была возмущена: текст после редактора никто не имеет права исправлять! Автор виновато пожимал плечами: «Мне районная администрация не оплатит издание книги, если не будет проверен текст».

В порыве гнева я заявила: «В таком случае я против, чтобы моя фамилия как редактора красовалась в той книге с грамматическими ошибками!» На том и закончилась наша с Алексеем Марковичем совместная работа, хотя ещё планировалось моё участие как автора в подготовке книги очерков к четырёхсотлетию города Енисейска. Не получилось.

...Мы не общались больше года. Не забуду тот день, двадцать шестое июня 2019 года. Звонок. Взяла трубку, не глядя на экран. Мужской голос поздоровался, спрашиваю: «Кто это?» Слышу знакомые интонации: «Ничего себе — уже и не узнаёшь». Бондаренко. «Ты прости меня, Тамара,— продолжал он,— понимаю, что опять тебя обидел, ты же знаешь, я мечусь со своими книгами от спонсора к спонсору, стараюсь

всем угодить, а в итоге друзей теряю. Мне Люся частенько повторяла: позвони Тамаре,— а я думал: столько тебе за эти годы нервов потрепал, в этот раз точно не простишь».

В том коротком телефонном разговоре я узнала, что в Красноярске в типографии «Город» готовят к печати книгу к четырёхсотлетию города Енисейска, впереди ещё месяц до юбилея, есть надежда и уверенность, что книга выйдет точно к сроку. «Мы с Люсей,— рассказывал Алексей,— по очереди дежури́м, следим за работой печатников. Сегодня супруга осталась там, а я рванул домой — надо еды для собак наварить, чтобы соседям было чем их кормить, в огороде сорняки подрать, грядки полить, сушь стоит, сама видишь, какая. Приеду в Красноярск — встретимся, надо нам поговорить». — «Надо», — согласилась я...

Это был вторник. А в четверг, двадцать восьмого, из Озёрного мне Люся сообщает, что ей в Красноярск позвонили: Алёша в тяжёлом состоянии в больнице, у него инсульт. В пятницу она не ответила ни на один мой звонок...

Ранним утром в субботу, тридцатого июня 2019 года, я от Людмилы Юрьевны узнала, что Алексея не стало...

Так мы и не встретились, и не поговорили. А Люсе он, оказывается, в Красноярск позвонил в тот же день и сказал, что звонил мне: мол, Тамара очень дружелюбно, совсем как раньше, разговаривала, наверное, простила...